

УДК 94(47+57) "1917/1991"

ЯХУТЛЬ Юрий Асланбиевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Кубанского государственного университета (350040, Россия, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149, a075ca@yandex.ru)

ВЫБОРЫ СОВЕТОВ НА ДОНУ И КУБАНИ (1925–1926 гг.): ПРОБЛЕМЫ ВЫБОРА КУРСА РЕФОРМ

Аннотация. В статье раскрывается взаимосвязь выборов в Советы рабочих, солдатских, крестьянских и казачьих депутатов на Дону и Кубани с нарастанием конфликтов в середине 1920-х гг. и сворачиванием новой экономической политики. Отмена подтасованных выборов в местные органы власти осенью 1924 г. была не только проявлением внутривнутрипартийной борьбы, но и поиском компромисса с крестьянством, утверждением новых приоритетов реализации нэпа. Автор выявляет взаимосвязь между либерализацией процедур выборов в 1925–1926 гг. и формированием повышенного статуса Советов как органов местного самоуправления.

Ключевые слова: выборы, Советы, Дон, Кубань, реформы, выбор курса

Тема статьи актуальна. Как в 1920-х гг., так и сейчас злободневны задачи обеспечения представительства интересов социальных групп в системе власти, ненасильственного согласования интересов участников избирательных процессов на основе законности. В условиях новой экономической политики 1920-х гг. Советы играли переменную роль: сначала – «приводного ремня» курса Коммунистической партии, в 1925–1926 гг. – автономного участника общественного развития, а позже – вновь зависимого исполнителя воли партийной элиты. Данные трансформации были особенно зримо выражены в казачьих регионах Юга России – на Дону и Кубани.

Научная проблема наиболее активно исследовалась в период перестройки и в 1990-х гг., но в настоящее время эту тему нельзя назвать особенно популярной в отечественной историографии. В числе публикаций можно выделить монографию Е.Г. Гимпельсона о советской политической системе 1920-х гг. [Гимпельсон 2000], а также региональные исследования реформ сельских Советов [Перехов 1997; Баранов 2013; Скорик, Тикиджьян 2010; Панкова-Козочкина 2014].

Временные пределы работы выбраны по критерию направленности электро-ального процесса. Именно с декабря 1924 по март 1926 г. выборы в местные Советы проводились практически без нарушений законодательства и привели к самостоятельной активности хлеборобов. Ввиду аграрного характера региональных сообществ Дона и Кубани нами изучены только выборы в станичные и сельские, а не в городские Советы.

Географические рамки статьи охватывают пределы казачьих историко-культурных регионов – Дона и Кубани. В изучаемое время они входили в состав Северо-Кавказского края РСФСР в качестве ряда округов: Донского, Сальского, Шахтинско-Донецкого, Морозовского, Кубанского, Армавирского, Майкопского. Ареал Верхнего Дона, переданный в 1921 г. в состав Царицынской (Сталинградской) губернии, в статье не изучается ввиду необходимости первичного выявления источников [Пантелеев 2005]. Таганрогский и Черноморский округа не включены в объект рассмотрения, поскольку сельское, в т.ч. казачье, население в них было малочисленным.

Цель статьи – установить альтернативные тенденции в проведении выборов в местные Советы на Дону и Кубани в 1925–1926 гг. в качестве проявления выбора курса реформ нэпа.

Строительство политической системы на основе коммунистической идеоло-

гии не исключало в 1920-х гг. неопределенности стратегии большевистской партии, что было вызвано новизной задач нэпа и альтернативностью общественного развития. Так, начало преобразований нэпа весной 1921 г. было обусловлено необходимостью сохранения власти большевиков, что в т.ч. потребовало использовать потенциал Советов рабочих, солдатских, крестьянских и казачьих депутатов для легитимации большевистского режима. Деятельность Советов на Дону и Кубани (1921–1924 гг.) несла на себе отпечаток конфликтов Гражданской войны, и поэтому переход к выборным Советам был призван продемонстрировать силу большевиков, доказать, что они пришли к власти навсегда, выражая интересы всех трудящихся [Яхутль 2011: 31].

Степень радикализма политической борьбы зависела от объективных и субъективных ресурсов влияния противоборствующих сторон. На Юге России, где до революции 1917 г. существовали привилегированные отношения казачества с центральной властью, формирование местных Советов развивалось в условиях ярко выраженного политического противостояния, а в его основе лежали объективные противоречия сословных и классовых интересов. Острота земельного и продовольственного вопроса подпитывалась неизменно напряженными отношениями между «иногородним» крестьянством и казачеством [Панкова-Козочкина, Бондарев 2012: 54]. Они усугублялись переселенческой политикой большевиков, желавших укрепить свою экономическую и социальную базу в «непокорных» и пограничных казачьих регионах. Переселение большого числа людей было связано также с неконтролируемым движением масс населения в годы Гражданской войны и голодом 1921–1922 гг., а также с малоземельем в Центральной России.

Итак, существовали проблемы, основанные на сословных и классовых противоречиях, незавершенности уравнительных преобразований в землепользовании, которые создали базовое противостояние в ходе предвыборных кампаний на Юге России. Земельный конфликт как объект экономического противостояния перерастал в политическое противостояние в ходе выборов в местные Советы.

Декларируемое намерение превратить местные Советы в «трудовые парламенты», где учитывались бы интересы всех социальных слоев общества, не всегда оправдывалось. Большевики вынуждены были ужесточить контроль за ходом предвыборных кампаний и допускать к участию в них только рабочих и представителей трудового крестьянства. В этих условиях были внедрены разрядки по результатам выборов в Советы, «твердые списки» кандидатов (лояльных власти, которые должны были обязательно победить). Голосование до 1925 г. проводилось с грубыми нарушениями законодательства, а в казачьих областях выборные Советы неоднократно заменялись на назначаемые революционные комитеты (ревкомы), поскольку до осени 1924 г. продолжалось повстанческое антибольшевистское движение бело-зеленых.

Советизация станиц Дона и Кубани определяла политические перспективы как местной большевистской элиты, так и всей системы власти. Эффективность Советов как инструмента власти большевиков при активной поддержке бывших красноармейцев, беднейшей части крестьянства в противостоянии с более зажиточным казачеством зависела от результатов новой экономической политики, особенно в том, что касалось сельского хозяйства. Проблемы сбора единого сельскохозяйственного налога и снабжения станиц продукцией промышленного производства определяли направленность политики большевиков, а во многом – и результаты выборов в станичные (сельские) Советы. Политическое противостояние и социальные конфликты в южнороссийских станицах во многом определялись земельно-имущественными противоречиями, а именно вопросами

владения земельными участками, правом как переселенцев, так и малоимущих старожилов распоряжаться и пользоваться бывшими войсковыми землями.

В донских и кубанских станицах выборы в Советы проходили на фоне скрытого, а иногда и открытого противостояния зажиточной и беднейшей частей станичников. Этот основной конфликт отягощался и во многом совпадал с сословным противостоянием между казачеством и «иногородними» крестьянами, бывшими красноармейцами, переселенцами. Экономическая власть зажиточных слоев, в основе своей — казачьих, в станицах провоцировала политическое противостояние, которое могло выйти из-под контроля власти. Союз середняков и беднейшей части казачества к середине 1920-х гг. политически не состоялся, и середняки в южных регионах страны оставались союзником зажиточных хлеборобов.

Но одновременно партийно-государственные органы власти стремились найти компромисс с земледельцами. Особенности казачьего землепользования Юга России, сословные и классовые противоречия, нараставшие по мере реализации новой экономической политики, требовали от большевиков укрепить социальную базу своего контроля над Советами.

Успехи новой экономической политики — стабилизация курса золотого рубля, введение фиксированного единого сельскохозяйственного налога (1923 г.), переход на денежную форму налогообложения в 1924 г. и уменьшение ставок обложения при усилении одновременно их прогрессии, рост благосостояния сельского населения — формировали условия для обсуждения альтернативных путей развития экономики, и особенно сельского хозяйства. Именно выборы в Советы были определяющими в политическом противостоянии правящей политической элиты и оппозиционного зажиточного крестьянства в борьбе за власть и выбор пути общественных преобразований.

Перевыборы в станичные Советы в 1924 г. выявили ряд проблем и противоречий. В итоге предвыборной кампании упала явка, сократилось представительство в местных Советах коммунистов и комсомольцев, а также беднейших слоев крестьян, наметилась тенденция роста доверия к беспартийным¹. Это были в основном зажиточные, крепкие сельские хозяева, которых большевики опасались. Военно-командные методы, присущие 1-му этапу становления местных советских органов, с уходом красноармейцев из местного аппарата управления отступали на второй план.

Отмена результатов выборов в местные Советы в конце 1924 г. произошла по инициативе руководства правящей партии. По всей РСФСР в 70% уездов, где проходили выборы, явка составила лишь 29,9%². Поэтому в декабре 1924 г. Президиум ЦИК СССР принял решение о частичной отмене итогов выборов и проведении повторных выборов в январе—феврале 1925 г.³ Мотивы реформ объяснялись не столько желанием восстановить законность, сколько переходом от стратегии мировой революции к курсу на строительство социализма в отдельно взятой стране, а также недавним разгромом троцкистской оппозиции. Важно, что низовые партийные структуры были против отмены результатов выборов, не видя в низкой явке и результатах выборов ничего противозаконного и опасного для власти⁴. По мнению современных историков, это свидетельствует о необходимости выявить глубинные причины смены политического курса; рассмотреть

¹ *Отчет о деятельности Северокавказского крайисполкома за 1924/25 хозяйственный год.* Ростов н/Д. 1926. С. 42–43.

² *Избирательная кампания в Советы РСФСР в 1924–1925 г.* М. 1925. Вып. 2. С. 12.

³ О перевыборах в Советы в тех районах, где имели место неправильности в работе избирательных комиссий: Постановление Президиума Центрального Исполнительного Комитета Советов СССР от 29 декабря 1924 г. — *СЗ СССР*. 1925. № 1. Ст. 3.

⁴ Государственный архив Ростовской области (ГАРО). Ф. Р-1485. Оп. 1. Д. 577. Л. 32.

первоначально частичные реформы под углом зрения политических и экономических перспектив развития СССР в целом [Саламатова 2017].

Формирование депутатского корпуса в 1925–1926 гг. можно определить как следующий этап в становлении новых структур власти в станицах Кубани и Дона. Кампания по «оживлению» Советов, начатая в ноябре 1924 г., преследовала цель вовлечения большего числа граждан страны в избирательный процесс, в т.ч. лиц, имевших ранее ограничения в гражданских правах. Различные направления советизации российского общества в середине 1920-х гг. в открытой или завуалированной форме преследовали классовые интересы большевиков. Новая экономическая политика оставалась той платформой, которая достаточно гибко позволяла реализовывать альтернативные проекты. Политические компромиссы властвующей элиты большевистской партии с населением страны продолжались до начала 1927 г.

Новая инструкция по выборам в 1925 г. предоставила избирательные права многим лицам, которые в предыдущие годы были лишены права участвовать в выборах¹. Но незначительное расширение социальной базы власти за счет отмены ряда запретов и ограничений для лиц, занимающихся предпринимательской деятельностью, не смогло качественно изменить показатели активности избирателей.

Вопросы советского строительства обсуждали подряд XIII и XIV съезды РКП(б), а также III съезд Советов СССР. Демократизация 1924–1926 гг. способствовала снижению доли лиц, лишенных избирательного права в РСФСР с 1,6 до 1,0% в деревне и с 5,3 до 4,5% в городе². Предвыборная кампания зимы 1925–1926 гг. прошла при высоком уровне активности сельских избирателей (47,5%). Связь советской власти с крестьянством была восстановлена. Произошло это в результате компромисса с середнячком и зажиточной частью сельского населения.

Повторные выборы в сельсоветы в январе 1925 г. продемонстрировали возрастание политического влияния зажиточной части казачества. Батраки и беднейшие крестьяне не могли противостоять зажиточным казакам и крестьянам из-за слабости своих хозяйств и идейного влияния, а былой административный нажим власти отпал. Влияние сторонников большевизма упало при том, что они пользовались государственной поддержкой — как политической, так и экономической.

Северо-Кавказский краевой комитет Советов рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов отправил циркулярное письмо от 2 сентября 1925 г. во все окружные государственные учреждения с требованием начать подготовительную работу по выборам в Советы, исходя из таких принципов, как гарантия свободы и ограждение от административного давления; максимальное вовлечение избирателей в выборную кампанию; расширение круга избирателей за счет отдельных групп населения³. Народный комиссариат внутренних дел РСФСР разослал инструкцию № 2839/1 от 31 июля 1925 г., в которой особое внимание уделялось вопросам соблюдения гражданских прав избирателей и рассмотрения обращений граждан⁴. Такое решение было вызвано объективными фактами грубых нарушений выборного законодательства. Новшество заключалось в допуске «сторонних» и несовершеннолетних лиц на избирательные участки и их участия в выборах.

Неправильное толкование инструкции о выборах на местах вело не к умень-

¹ Об Инструкции о перевыборах в Советы: Постановление Президиума ЦИК СССР от 16 января 1925 г. — *СЗ СССР*. 1925. № 6. Ст. 55.

² *Выборы в Советы РСФСР в 1925–1926 г. (городские советы, сельские советы, волсъезды, волисполкомы)* (под ред. С.М. Гурвича, Н.А. Кокотова): статистический сборник. М. 1926. Ч. 1. С. 3–4, 72–77.

³ ГАРО. Р-1485. Оп. 1. Д. 225. Л. 2.

⁴ Там же. Л. 3(об).

шению списка лиц, лишенных избирательного права, а к их росту. Например, группа бывших офицеров белой армии (Гуляев, Сушкин, Каргин, Коновалов, Гонопольский, Черников, Шепелев, Регузов, Бацкин, Медведов, Радионов, Минаев) обратилась в Донецкий окружной избирком с просьбой пересмотреть их дела по лишению избирательных прав. Последовавшая отсылка их обращения в окружной отдел ОГПУ свидетельствовала об искаженном выполнении требований инструкции ВЦИКа от 26 января 1925 г. и Северо-Кавказского крайисполкома Советов от 1 марта 1925 г., которые позволяли местным органам власти восстанавливать в гражданских правах репатриантов-врангелевцев выше унтер-офицерского звания¹.

В предвыборной кампании 1926 г. зажиточные казаки отошли от испытанной тактики союза с беднотой, основанной на взаимных интересах аренды земли, получаемой беднейшей частью казачества и «иностранцами». Бывшие красноармейцы и бедняки игнорировали предвыборные собрания. В некоторых станицах края организовывались нелегальные группы хлеборобов с целью провести в Советы своих представителей. Такие группы были выявлены органами ОГПУ в станицах Косякинской и Прочноокопской, селе Ново-Кубанском, хуторе Бороновском. На собраниях обсуждались актуальные проблемы экономического развития села: несоответствие цен на сельскохозяйственную продукцию и изделия промышленности, низкие закупочные цены на зерно, нерешенная проблема землеустройства. В ряде округов Северо-Кавказского края явка на выборы составила 38%, что было на 16% выше по сравнению с 1924 г. и на 3,5% — по сравнению с 1925 г. Например, в Армавирском округе из 590 депутатов различного уровня 18 депутатов относились к категории зажиточных хлеборобов².

Следует признать, что выборы в Северо-Кавказском крае весной 1926 г. проходили в обстановке политической стабильности и отсутствия бело-зеленого повстанческого движения, которое было ликвидировано или окончательно выродилось в уголовные банды.

Удовлетворительные результаты итогов выборов 1926 г., однако, не оставляли сомнений у местных партийно-советских работников относительно скрытого, латентного сопротивления казачества проводимым реформам. Игнорирование экономических потребностей и интересов хлеборобов, апробация методики коллективизации аграрного сектора экономики провоцировали социальное сопротивление. Органы власти Донского округа (1926 г.) установили факт активной подпольной деятельности казаков и бывших офицеров белой армии, которые продолжали борьбу против советской власти³. Активизация середняков не оказала решающего влияния на итоги выборов 1926 г. Признавая факт увеличения числа депутатов, представлявших интересы зажиточной части хлеборобов, большевики одновременно отчитывались о снижении влияния кулачества на ход и результаты выборов. Активная деятельность хлеборобов была направлена на избрание беспартийных депутатов. Это было следствием жесткого администрирования на местах и ошибочной негативной установки партийно-советской бюрократии относительно союза с середняками. Выборы привели к обострению отношений между казачеством и «иностранцами» крестьянами по вопросам землеустройства, к увеличению числа депутатов, выражавших интересы зажиточного слоя и середняков, а также казачества. Бедняцкие хозяйства потеряли свое политическое влияние в местных советах. Переселенческая политика советской власти также вела к обострению внутривнутриполитической ситуации в казачьих регионах

¹ Там же. Л. 312, 574.

² Там же. Д. 230. Л. 40.

³ Там же. Д. 250. Т. 1. Л. 122.

Юга России. На итоги выборов в Советы не могла не повлиять политика уравнительного передела земель между казачеством и «иногородними» крестьянами.

Латентное противостояние социальных сил в станицах Юга России в середине 20-х гг. XX столетия стало продолжением их открытого противостояния времен Гражданской войны, в которой победил организованный государственно-партийный механизм, формировавшийся при непосредственном участии бедняцких слоев крестьянства, прежде всего «иногородних».

Небольшой промежуток времени в середине периода проведения новой экономической политики был временем выбора между административно-командной системой и государственно регулируемым рыночными реформами, среди которых на Юге России первостепенное значение имела аграрная политика.

Политическая борьба внутри большевистской элиты по вопросам выбора стратегии социально-экономического и политического развития СССР была определена результатами личного противоборства партийных лидеров за единоличную власть в стране.

Крестьяне и казаки обманулись, поверив в возможность либеральных экономических реформ в рамках нэпа, которые могли стать логичным последствием либерализации политической жизни. Не добившись выгодного для себя компромисса, партийно-государственная власть перешла в решительное наступление и провела форсированную коллективизацию, с тем чтобы сконцентрировать материальные ресурсы в своих руках и не зависеть от интересов крестьян [Яхутль 2014: 184].

Подведем итоги исследования. Перевыборы 1925 и 1926 гг. продемонстрировали активность зажиточных слоев казачества и крестьянства Юга России, которые избирались или избрали своих представителей, реализуя в своих интересах политику «лицом к деревне», считая ее проявлением слабости советской власти (большевиков).

Нараставшие экономические проблемы могли быть разрешены в рамках жесткого государственного регулирования или либерализации и заигрывания с крестьянством. Политика «лицом к деревне», отмена фальсифицированных выборов, публичное признание допущенных ошибок, возможность «лишеницев» получить право участия в политической жизни страны свидетельствовали о поиске выбора пути и методов социальных, политических реформ общества в направлении модернизации.

Политика большевиков, в первую очередь в вопросе выборов в Советы как органы местного самоуправления, продемонстрировала нарастание противоречий во властных институтах и стала ярким проявлением кризиса, шаткости перспектив новой экономической политики.

Особенности Юга России с его сословными, земельными, этническими противоречиями усугубляли противоречия нэпа, что проявилось в результатах выборов в местные Советы (1924–1926 гг.), в определенной либерализации механизмов и практик осуществления партийно-государственной политики.

Список литературы

Баранов А.В. 2013. Тенденции гражданского примирения в политических формах «расширения» нэпа 1924–1926 гг. на Юге России. — *Научная мысль Кавказа*. Ростов н/Д. № 3. С. 55–62.

Гимпельсон Е.Г. 2000. *Нэп и советская политическая система: 20-е годы*. М.: ИРИ РАН. 440 с.

Панкова-Козочкина Т.В., Бондарев В.А. 2012. *Казачье-крестьянское хозяйство эпохи нэпа: проблемы модернизации аграрных отношений на Юге России*. Новочеркасск: Лик. 226 с.

Панкова-Козочкина Т.В. 2014. *Казачье-крестьянское самоуправление эпохи нэпа: проблемы модернизации властных отношений на Юге России в 1920-е годы*. Новочеркасск: Лик. 308 с.

Пантелеев Е.В. 2005. *Верхнедонские округа: проблемы социально-политического и экономического развития (1918–1927 гг.)*: автореф. дис. ... к.и.н. Волгоград. 27 с.

Перехов Я.А. 1997. *Власть и казачество: Поиск согласия (1920–1926 гг.)*. Ростов н/Д: Гефест. 137 с.

Саламатова М.С. 2017. Отмена выборов 1924 года в Советской России: новые материалы и интерпретации. — *Genesis: исторические исследования*. № 1. С. 53–66.

Скорик А.П., Тикиджьян Р.Г. 2010. *Донцы в 1920-х годах: очерки истории*. Ростов н/Д: Изд-во СКНЦ ВШ ЮФУ. 244 с.

Яхутль Ю.А. 2011. Формирование местных органов власти на Кубани в период НЭПа. — *Культурная жизнь Юга России*. № 2(40). С. 30–33.

Яхутль Ю.А. 2014. *Экономические трансформации в период новой экономической политики (по материалам Кубано-Черноморья)*. Краснодар: Традиция. 250 с.

YAKHUTL' Yuriy Aslanbyevich, *Cand.Sci. (Hist.)*, Associate Professor of the Chair of History of Russia, Kuban State University (149 Stavropolskaya St, Krasnodar, Russia, 350040; a075ca@yandex.ru)

ELECTIONS TO THE SOVIETS IN THE DON AND KUBAN REGIONS (1925–1926): PROBLEMS OF CHOICE OF THE REFORMS' COURSE

Abstract. The article discloses the relationship of elections to the Soviets in the territory of the Don and Kuban regions with the escalation of conflicts in the mid-1920s and the curtailment of the new economic policy. The abolition of rigged elections to local authorities in the autumn 1924 was a manifestation not only of intra-party struggle, but also of search for a compromise with a large part of the country's population – the peasantry, and the approval of new priorities for the implementation of the new economic policy. The novelty of the work is the disclosure of the relationship between the liberalization of election procedures in 1925–1926 and the formation of an elevated status of the Soviets as bodies of local self-government.

Keywords: elections, Soviets, Don Region, Kuban Region, course of reforms, choice

---